

ОСКАР
УАЙЛЬД

НЕДЕТСКИЕ СКАЗКИ

Эти трогательные и печальные истории невозможно читать без слез, но они проникают в самое сердце, заставляют задуматься над важными вопросами жизни и сделать свой выбор.

«— Что мне проку в Душе? Я не вижу Души. Не могу коснуться Души. Вовсе не знаю Души. Отошлю Душу прочь от себя и великую радость обрету».

Оскар Уайльд

Недетские сказки

«ЭКСМО»

УДК 821.111-34
ББК 84(4Вел)-44

Уайльд О.

Недетские сказки / О. Уайльд — «Эксмо»,

ISBN 978-5-699-93225-2

Сказки Оскара Уайльда произведут впечатление на людей любого возраста. Казалось бы, ничего особенно нового Уайльд в своих сказках не написал, классические прописные истины о добре, самопожертвовании, любви, дружбе, о человечности, сострадании и многом другом, но через призму любви Вьюрка и Осоки, Рыбака и Русалочки, злоключений Звездного малыша мы можем посмотреть под другим углом на свою собственную жизнь и стать немного лучше, добрее и понять, что счастье — вот оно, внутри нас.

УДК 821.111-34
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-93225-2

© Уайльд О.
© Эксмо

Содержание

Из сборника	6
Счастливый принц	6
Зарянка и роза	12
Себялюбивый Великан	16
Верный друг	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Оскар Уайльд

Недетские сказки

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Из сборника «Счастливый принц»

Счастливый принц

Карлосу Блэкеру¹

В вышине над городом на огромном столпе воздвигли статую Счастливого Принца. Весь он сплошь был покрыт золотом высшей пробы, вместо глаз у него горели два ярких сапфира, и большой красный рубин сиял в рукояти его меча.

Все восхищались им безмерно.

– Он прекрасен, как флюгер, – отмечал один Городской Советник, желавший прослыть человеком с развитым художественным вкусом. – Только пользы от него поменьше, – прибавлял он, опасаясь, как бы люди не сочли его непрактичным, каковым он в действительности не был.

– Почему не можешь ты себя вести, как Счастливый Принц? – спрашивала сыночка благоразумная мать, если он плакал, желая луну с неба. – Счастливый Принц и не думает ни из-за чего плакать.

– Рад, что хоть кто-то в мире счастлив, – бормотал разочарованный человек, глядя на удивительную статую.

– Он похож на ангела, – говорили Приютские Сироты, выходя из собора в ярко-алых накидках и чистых белых передниках.

– А вы откуда знаете? – спрашивал Учитель Математики. – Вы же никогда не видали ангелов.

– Ах, мы видали – мы видали их в грезах, – отвечали дети, и Учитель Математики хмурился, взирая на детей весьма сурово, ибо детских грез не одобрял.

Как-то ночью пролетал над городом маленький Стриж. Его друзья полтора месяца назад улетели в Египет, а он остался, ибо влюблен был в прекраснейшую Осоку. Они познакомились весной, когда он гонялся над рекою за большой желтой бабочкой и так был очарован тонким станом Осоки, что остановился с нею побеседовать.

– Полюбить ли мне тебя? – спросил Стриж, склонный переходить к сути, не мешкая, и Осока низко ему поклонилась. Закружил подле нее Стриж, крылышками касаясь воды и пуская по ней серебристую рябь. Так он ухаживал, и это продолжалось все лето.

– На редкость нелепая привязанность, – чирикали прочие Стрижи. – У нее вовсе нет денег, а родственников – целая куча. – В самом деле, вся река заросла Осокой. Потом, когда наступила осень, все Стрижи улетели.

Когда они улетели, Стрижу стало одиноко; он начал уставать от своей дамы сердца.

– Она вечно молчит, – говорил он, – и, боюсь, она кокетка, ибо вечно флиртует с ветром. – И точно: всякий раз, когда задувал ветер, Осока весьма грациозно приседала в реверансе. – Она домоседка, тут уж не поспоришь, – продолжал он, – однако я склонен путешествовать, и жена моя, следовательно, тоже должна любить путешествия. Ты полетишь со мною? – наконец спросил он Осоку, но та покачала головой – слишком привязана была она к дому. –

¹ Карлос Блэкер (1859–1928) – близкий друг Оскара Уайльда и его жены Констанс, значительная фигура в общественной жизни Европы рубежа веков.

Ты водила меня за нос! – вскричал Стриж. – Я улетаю к Пирамидам. Прощай! – И с этими словами он улетел прочь.

Целый день летел Стриж и под вечер добрался до города.

– Где бы мне остановиться? – задумался он. – Надеюсь, город подготовился.

Потом он увидел статую на высоком столпе.

– Остановлюсь-ка я здесь, – вскричал он. – Великолепное место, и вокруг свежий воздух. – И он примостился меж ступней Счастливого Принца. – У меня золотая спаленка, – тихонько молвил Стриж сам себе; но едва сунул он голову под крыло, на макушку ему упала большая капля. – Как интересно! – воскликнул он. – На небе ни облачка, звезды чисты и ясны, а дождь тем не менее идет. Ужасный все-таки климат в этой северной Европе. Осока любила дождь, но это у нее исключительно из себялюбия.

Упала вторая капля.

– Что проку в статуе, если она не защищает от дождя? – сказал Стриж. – Поищу-ка я лучше дымоход с колпаком. – И он собрался улетать.

Но не успел он расправить крылья, упала третья капля. Стриж глянул вверх и увидел – ах! что же он увидел?

В глазах Счастливого Принца стояли слезы, слезы катились по золотым его щекам. Лицо Принца было столь прекрасно в лунном свете, что сердце Стрижа наполнилось жалостью.

– Ты кто? – спросил он.

– Я Счастливый Принц.

– И чего же ты реवेशь тогда? – спросил Стриж. – Ты меня насквозь промочил.

– Когда я был жив и обладал человеческим сердцем, – отвечала статуя, – не знал я, что такое слезы, ибо жил во Дворце Сан-Суси², куда не допускаются печали. Днем играл я с друзьями в саду, а вечерами первым шел танцевать в Парадной Зале. Очень высокая стена окружала сад, но ни разу не спросил я, что находится за нею – так прекрасно было все, что меня окружало. Придворные звали меня Счастливым Принцем, и я был счастлив, если счастье составляют удовольствия. Так я жил и так умер я. И теперь, когда я мертв, меня поставили здесь, высоко-высоко, дабы видел я все уродство и все горести моего города, и хотя сердце у меня из свинца, ничего не остается мне – только плакать.

– Как? Он что, не сплошь золотой? – пробормотал Стриж себе под нос. Он был очень вежливый Стриж и не говорил гадостей вслух.

– Далеко-далеко, – тихо и мелодично продолжала статуя, – далеко-далеко на узкой улочке стоит бедный домик. Одно окно распахнуто, и в окно вижу я женщину, что сидит за столом. Ее лицо осунулось и похудело, у нее шершавые покрасневшие руки, все исколотые иголкой, ибо женщина эта – швея. К Придворному Балю вышивает она страстоцветы на атласном платье для прекраснейшей королевской фрейлины. В углу комнаты лежит в постельке больной маленький мальчик. У него лихорадка, он просит апельсинов. Его матери нечего дать ему, кроме речной воды, и потому горько плачет она. Стриж, Стриж, маленький Стриж, отнеси ей рубин с рукояти моего меча. Ноги мои вросли в пьедестал, я не сумею двинуться.

– Меня ждут в Египте, – отвечал Стриж. – Друзья мои летают над Нилом и беседуют с огромными лотосами. Скоро они отправятся почивать в гробнице великого Фараона. Лежит в разукрашенном гробу Фараон. Обернут он желтыми пеленами, умащен благовоньями. На шее у него ожерелье из бледно-зеленого нефрита, а руки его подобны увядшим листьям.

² Без-Забот (фр.) – название летнего дворца короля Пруссии Фридриха II Великого (1712–1786) в Потсдаме; дворец был построен в 1745–1747 гг. и служил летней резиденцией членов династии Гогенцоллернов до 1918 г.

– Стриж, Стриж, маленький Стриж, – молвил Принц, – останься со мною на одну ночь, будь моим гонцом. Мальчику так хочется пить, а мать его так печальна.

– Мальчики мне, по-моему, не нравятся, – отвечал Стриж. – Летом, когда жил я на реке, были там двое жестоких мальчишек, мельниковы сыновья, – так они швырялись в меня камнями. Само собою, не попали ни разу – мы, стрижи, слишком хорошо летаем, а кроме того, я из рода, знаменитого своею юркостью. Но все равно – какое неуважение.

Однако Счастливый Принц был так печален, что маленький Стриж пожалел его.

– Тут ужасно холодно, – заметил Стриж, – но я останусь с тобою на ночь и буду твоим гонцом.

– Благодарю тебя, маленький Стриж, – отвечал Принц.

Итак, Стриж вынул большой рубин из рукояти меча и полетел над крышами города, держа рубин в клюве.

Миновал он башню собора, где замерли мраморные статуи ангелов. Миновал он дворец и слышал гомон танцев. Прекрасная девушка вышла на балкон со своим возлюбленным.

– Как удивительны звезды, – сказал ей возлюбленный, – и как удивительна сила любви!

– Надеюсь, платье мое будет готово к Торжественному Балю, – отвечала она. – Я велела вышить на нем страстоцветы, но швея так ленива.

Миновал Стриж реку и увидел фонари, что висели на мачтах судов. Миновал гетто и увидел старых евреев, что торговались друг с другом и взвешивали деньги на медных весах. Наконец прилетел он к бедному домику и заглянул внутрь. Мальчик в лихорадке метался на постели, а мать уснула – до того она устала. Внутри запрыгнул Стриж и положил большой рубин на столе подле наперстка швеи. Потом тихонько закружил над мальчиком, крылышками обмахивая лоб его.

– Как прохладно! – сказал мальчик. – Должно быть, я поправляюсь. – И он погрузился в блаженный сон.

Стриж вернулся к Счастливому Принцу и обо всем рассказал.

– Весьма любопытно, – заметил Стриж. – Я теперь согрелся, а ведь так холодно.

– Это потому, что ты совершил добрый поступок, – сказал Принц. Тогда маленький Стриж задумался, а потом уснул. Раздумья всегда навевали на него сон.

На заре он полетел к реке и искупался.

– Какой замечательный феномен! – заметил Профессор Орнитологии, проходя по мосту. – Стриж посреди зимы! – И он написал об этом длинное письмо в местную газету. Все цитировали это письмо – столько было в нем никому не понятных слов.

– Сегодня полечу в Египет, – сказал Стриж, и душа его воспрянула в предвкушении. Он посетил все памятники в городе и долго-долго сидел на вершине колокольни. Куда бы ни полетел он, Воробьи чирикали и переговаривались: «Сколь изыскан этот путник!» – а потому Стриж наслаждался безмерно.

Когда взошла луна, полетел он к Счастливому Принцу.

– Будут у тебя поручения в Египет? – крикнул Стриж. – Я как раз отправляюсь.

– Стриж, Стриж, маленький Стриж, – молвил Принц, – останься со мною еще на одну ночь.

– Меня ждут в Египте, – отвечал Стриж. – Друзья мои завтра полетят ко Второму Порогу. Гиппопотамы лежат там в камышах, а на большом гранитном постаменте сидит бог Мемнон. Всю ночь смотрит он в небо, а едва засияет утренняя звезда, от радости единожды вскрикивает, а потом молчит. В полдень желтые львы спускаются к воде напиться. Глаза у них – точно зеленые бериллы, а за ревом их не слышно грохота порога.

– Стриж, Стриж, маленький Стриж, – молвил Принц, – далеко-далеко на окраине города я вижу юношу в мансарде. Он склоняется над столом, что завален бумагами, а рядом

в стакане вянет букет фиалок. Волосы у юноши темны и жестки, губы красны, точно плод граната, а глаза его огромны и мечтательны. Он пытается дописать пьесу для Театрального Режиссера, но так замерз, что не в силах более писать. Не горит огонь в очаге, а от голода юноша слабеет.

– Я побуду с тобою еще одну ночь, – сказал Стриж, у которого было поистине доброе сердце. – Отнести ему еще один рубин?

– Увы! Нет у меня больше рубина, – отвечал Принц. – Глаза мои – вот и все, что у меня осталось. Они сделаны из редких сапфиров, кои привезены были из Индии тысячу лет назад. Вынь один сапфир, отнеси ему. Он продаст сапфир ювелиру, купит дров и закончит свою пьесу.

– Милый Принц, – сказал Стриж, – я не могу так поступить. – И он заплакал.

– Стриж, Стриж, маленький Стриж, – отвечал Принц, – сделай, как я велю.

И тогда Стриж вынул один глаз Принца и улетел в мансарду. Крыша была дырявая, так что попасть внутрь не составляло труда. Стриж нырнул в дыру и очутился в комнате. Юноша сидел за столом, обхватив голову руками, и потому не услышал трепета птичьих крылышек, а подняв голову, увидел прекрасный сапфир, что лежал на увядших фиалках.

– Меня начинают ценить! – вскричал он. – Это прислал некий преданный почитатель. Теперь я смогу закончить пьесу. – Юноша был очень счастлив.

Назавтра Стриж полетел к заливу. Стриж сидел на мачте большого корабля и смотрел, как моряки выгружают из трюма большие сундуки на канатах.

– Раз, два – взяли! – кричали они, когда появлялся очередной сундук.

– Я лечу в Египет! – закричал Стриж, но морякам было не до того. Когда взошла луна, Стриж полетел к Счастливому Принцу. – Я прилетел попрощаться, – крикнул он.

– Стриж, Стриж, маленький Стриж, – молвил Принц, – останься со мною еще на одну ночь.

– Зима на дворе, – заметил Стриж, – скоро пойдет холодный снег. В Египте солнце согревает пальмовые листья, а крокодилы валяются в грязи и лениво озираются. Друзья мои выют гнезда в Храме Баальбека, розовые и белые голуби наблюдают за ними и воркуют друг с другом. Милый Принц, я должен тебя оставить, но я никогда тебя не забуду, а весной принесу тебе два прекрасных драгоценных камня взамен тех, что ты отдал. Рубин будет краснее розы алой, а сапфир – голубее морской пучины.

– На площади под нами, – отвечал Счастливый Принц, – стоит маленькая торговка спичками. Она уронила спички в канаву, и они все отсырели. Отец побьет ее, если не принесет она ему денег, и девочка плачет. У нее нет башмаков и чулок, голова ее непокрыта. Вынь другой мой глаз, отдай ей, и отец ее не побьет.

– Я останусь с тобою еще на одну ночь, – сказал Стриж, – но вынуть твой глаз не могу. Ты тогда совсем ослепнешь.

– Стриж, Стриж, маленький Стриж, – отвечал Принц, – сделай, как я велю.

Вынул Стриж другой глаз Принца и слетел вниз. Обогнул он торговку спичками и бросил драгоценный камень ей в ладошку.

– Какое чудесное стеклышко! – вскричала девочка и, смеясь, побежала домой.

Тогда Стриж вернулся к Принцу.

– Ты теперь слеп, – сказал Стриж, – поэтому я останусь с тобою навечно.

– Нет, маленький Стриж, – отвечал бедный Принц, – ты должен улететь в Египет.

– Я навечно останусь с тобою, – сказал Стриж и устроился спать меж ступней Принца.

Весь следующий день сидел он у Принца на плече и рассказывал ему истории о том, что видал в чужеземных странах. Поведал он Принцу о красных ибисах, что длинными шеренгами стоят по берегам Нила и клювами ловят карасей; о Сфинксе, что стар, как мир, живет в пустыне и знает все на свете; о купцах, что медленно шагают подле верблюдов своих,

а в руках несут янтарные четки; о Короле Лунных Гор, что черен, как эбеновое дерево, и поклоняется большому кристаллу; о великом зеленом змее, что спит в пальме, а двадцать жрецов кормят его медовыми лепешками; и о пигмеях, что переплывают широкое озеро на больших плоских листьях и вечно воюют с бабочками.

– Милый маленький Стриж, – молвил Принц, – о поразительных чудесах рассказываешь ты, но поразительнее всего на свете страдания мужчин и женщин. Нет головоломки сложнее горя. Полети над моим городом, маленький Стриж, поведай мне о том, что увидишь.

И тогда Стриж полетел над великим городом и увидел, как веселятся в прекрасных домах своих богачи, а нищие сидят у ворот. Полетел он в темные проулки и увидел белые личики голодных детей, что безжизненно глядят на черные улицы. Под мостом два маленьких мальчика лежали в объятиях друг друга, пытаясь согреться.

– Как хочется есть! – говорили они.

– Нечего тут лежать! – закричал караульный, и дети побрели в дождь.

Вернулся Стриж и поведал Прекрасному Принцу о том, что увидел.

– Я покрыт золотом высшей пробы, – молвил Принц. – Сними его чешуйка за чешуйкой и раздай бедным; живые всегда полагают, будто золото их осчастливит.

Чешуйку за чешуйкой снимал Стриж золото высшей пробы, и наконец Счастливый Принц посерел и потускнел. Чешуйку за чешуйкой относил Стриж золото бедным, и детские личики расцветали, и смеялись дети, и играли на улицах.

– У нас теперь есть хлеб! – кричали они.

Затем начался снегопад, а вслед за снегопадом грянул мороз. Улицы стали точно из серебра, до того ярко они заблистали; длинные сосульки хрустальными клинками свешивались с карнизов, люди наряжались в меха, а маленькие мальчики надевали алые шапочки и катались на коньках по льду.

Бедный маленький Стриж мерз все сильнее, но не оставлял Принца – до того его полюбил. Подбирал Стриж крошки у двери пекарни, когда отвлекался пекарь, и пытался согреться, хлопая крылышками.

Но в конце концов понял он, что умирает. Ему еле хватило сил в последний раз взлететь к Принцу на плечо.

– Прощай, милый Принц, – прошептал он, – дозволю поцеловать тебе руку.

– Я рад, что ты все-таки отправляешься в Египет, маленький Стриж, – отвечал Принц, – ты и так чересчур задержался; однако поцелуй меня в уста, ибо я люблю тебя.

– Не в Египет отправляюсь я, – молвил Стриж. – Отправляюсь я во Дворец Смерти. Смерть ведь – брат Сна, не так ли?

И Стриж поцеловал Счастливого Принца в уста и замертво упал к его ногам.

В тот же миг странный треск раздался внутри статуи, будто что-то сломалось. То свинцовое сердце треснуло пополам. Морозы и впрямь стояли ужасающие.

Рано утром Мэр гулял внизу по площади в окружении Городских Советников. Проходя мимо столпа, он взглянул на статую.

– Боже правый! Как убого смотрится наш Счастливый Принц! – воскликнул он.

– В самом деле убого! – закричали Городские Советники, которые всегда соглашались с Мэром; и все они поднялись к статуе посмотреть.

– Рубин выпал из его меча, глаза исчезли, и он больше не золотой, – сказал Мэр. – Да он теперь вылитый побирушка!

– Вылитый побирушка, – согласились Городские Советники.

– Да к тому же у ног его дохлая птица валяется, – продолжал Мэр. – Надо бы издать указ, запрещающий птицам здесь подыхать. – И Городские Писари сделали пометки в тетрадках.

Посему статую Счастливого Принца сняли со столпа.

– Раз он больше не прекрасен, на кой черт он нам сдался, – отметил университетский Профессор Изыщных Искусств.

Затем статую расплавили в печи, а Мэр провел совещание Городских Властей, дабы обсудить, как поступить с металлом.

– Надо, разумеется, отлить новую статую, – сказал Мэр, – на сей раз – мою.

– Мою, – согласился всякий Городской Советник, после чего все они перессорились. Насколько мне известно, ссорятся они по сей день.

– Вот как странно, – заметил мастер в литейной. – Это треснувшее свинцовое сердце не расплавляется в печи. Надо бы выбросить его. – И литейщики швырнули сердце в мусорную кучу, где лежал мертвый Стриж.

– Принесите мне два драгоценнейших предмета из города, – молвил Бог одному из Своих Ангелов; и Ангел принес ему свинцовое сердце и мертвую птицу. – Верный выбор, – одобрил Бог, – ибо в Райском саду моем вечно будет петь эта птичка, а в златом городе моем Счастливый Принц восславит меня.

Зарянка и роза

– О на сказала, что станет танцевать со мною, если я принесу ей алых роз, – вскричал молодой Студент, – однако нет алых роз в моем саду.

Зарянка услышала его из гнезда на дубе, выглянула из листвы и удивилась.

– Ни единой алой розы нет в саду моем! – вскричал Студент, и прекрасные глаза его наполнились слезами. – Ах, на каких мелочах зиждется счастье! Я прочел все, что написано мудрецами, и овладел всякою тайной философии, однако без алой розы жизнь моя – пустыня.

– Наконец-то вижу я поистине влюбленного, – молвила Зарянка. – Бесконечными ночами пела я о нем, хотя его не знала; бесконечными ночами рассказывала я о нем звездам, а теперь вижу его пред собою. Волосы его темны, как гиацинты, губы его красны, как роза, что желанна ему; но от страсти лицо его побледнело, как слоновою костью, и скорбь запечатлелась на челе его.

– Завтра вечером Принц дает бал, – прошептал молодой Студент, – и любовь моя придет туда. Если я принесу ей алую розу, любовь моя станет танцевать со мною до зари. Если я принесу алую розу, стану держать любовь мою в объятиях, а она склонит голову мне на плечо, и рука ее будет лежать в моей руке. Но нет алых роз в моем саду, а потому буду сидеть я, одинокий, а она пройдет мимо. Она и не взглянет на меня, и сердце мое разобьется.

– Поистине, вот настоящий влюбленный, – молвила Зарянка. – То, о чем я пою, терзает ему сердце; что радость для меня, для него – страдание. О да, любовь удивительна. Драгоценнее изумрудов она, дороже роскошных опалов. Жемчугами и гранатами не купишь ее, не выставишь на базаре. Не добудешь ее у купцов, не взвесишь, за нее не расплатишься золотом.

– Музыканты будут сидеть на хорах и играть, – сказал молодой Студент, – а любовь моя станет танцевать под пение арфы и скрипки. Любовь моя станет танцевать так легко, что ноги ее не коснутся пола, и разряженные придворные столпятся вокруг. Но со мною не станет она танцевать, ибо нет у меня для нее алой розы. – И он пал на траву, закрыл лицо руками и разрыдался.

– Почему он плачет? – спросил Зеленый Тритон, что пробежал мимо, задрав хвост.

– В самом деле, почему? – спросила Бабочка, что порхала, гоняясь за солнечным лучом.

– В самом деле, почему? – нежным, тихим голосом прошептал Одуванчик своему соседу.

– Он плачет из-за алой розы, – пояснила Зарянка.

– Из-за алой розы? – вскричали все. – Какая белиберда! – И маленький Тритон, не чуждый цинизму, расхохотался в голос.

Но Зарянке внятна была тайна печали Студента, и молча сидела Зарянка на дубе, и размышляла о загадке Любви.

Внезапно расправила Зарянка серые крылышки и взмыла в воздух. Тенью миновала Зарянка рощу и тенью проплыла над садом.

Посреди сада на лужайке стоял прекрасный Розовый Куст, и Зарянка, увидев его, подлетела и примостилась на ветке.

– Дай мне алую розу, – сказала она, – и я спою тебе сладчайшую свою песню.

Но Куст покачал головою.

– Розы мои белы, – отвечал он, – белы, словно барашки на море, белее снега в горах. Но лети к брату моему, что оплетает старые солнечные часы, – быть может, он даст тебе то, о чем просишь.

И Зарянка полетела к Розовому Кусту, что оплетал старые солнечные часы.

– Дай мне алую розу, – сказала она, – и я спою тебе сладчайшую свою песню.

Но Куст покачал головою.

– Розы мои желты, – отвечал он, – желты, словно косы русалки, что сидит на янтарном троне, желтее нарциссов, что цветут на лугу, пока не явился косарь с косою. Но лети к брату моему, что растет под окном Студента, – быть может, он даст тебе то, о чем просишь.

И Зарянка полетела к Розовому Кусту, что рос под окном Студента.

– Дай мне алую розу, – сказала она, – и я спою тебе сладчайшую свою песню.

Но Куст покачал головою.

– Розы мои алы, – отвечал он, – алы, как голубиные лапки, алее гигантских коралловых вееров, что раскачиваются в океанской пучине. Но зима заморозила жилы мои, мороз исколот бутоны, а гроза поломала мне ветви, и в этом году ни единой розы не родится у меня.

– Мне нужна всего одна роза, – вскричала Зарянка, – всего одна алая роза! Неужто нет способа ее раздобыть?

– Способ есть, – отвечал Куст, – но он столь ужасен, что я не смею поведать тебе о нем.

– Поведай мне, – молвила Зарянка. – Я не боюсь.

– Если хочешь добыть алую розу, – сказал Куст, – ты должна создать ее из музыки при луне и окропить кровью сердца своего. Ты должна спеть мне, пронзая грудь шипом. Всю ночь должна ты мне петь, а шип будет пронзать твое сердце, и тогда кровь жизни твоей потечет по моим жилам и станет моею.

– Смерть – высокая цена за алую розу, – молвила Зарянка, – а Жизнь всякому дорога. Славно сидеть в зеленом лесу, любоваться Солнцем в золотой колеснице и Луною в колеснице жемчужной. Сладок запах боярышника, милы колокольчики, что прячутся в долине, и вереск, что клонится к земле на холмах. И однако же Любовь лучше Жизни, да и что такое птичье сердце в сравнении с человеческим?

Расправила Зарянка серые крылышки и взмыла в воздух. Тенью проплыла Зарянка над садом и тенью миновала рощу.

Молодой Студент все лежал на траве, где Зарянка его и оставила, и слезы еще не высохли в прекрасных его глазах.

– Возрадуйся! – вскричала Зарянка. – Возрадуйся! Ты получишь свою алую розу. Я создам ее из музыки при луне и окроплю кровью сердца своего. А взамен я прошу одного: будь истинным влюбленным, ибо Любовь мудрее Философии, хоть та и мудра, и могущественнее Власти, хоть та и могущественна. Пламенеют крылья Любви, и плоть ее пламенеет. Губы ее слаще меда, а дыхание подобно ладану.

Студент поднял голову и прислушался, но не понял, что говорит ему Зарянка, ибо знал лишь то, что написано в книгах.

Дуб, однако, понял и опечалился, ибо сильно привязан был к Зарянке, свившей гнездо в его ветвях.

– Спой мне последнюю песню, – прошептал он. – Когда ты умрешь, мне будет одиноко.

И Зарянка спела Дубу, и голос ее подобен был водяным пузырькам в серебряном кувшине.

Когда Зарянка допела, Студент поднялся и извлек из кармана блокнот и графитовый карандашик.

– Формой она располагает, – размышлял он, роцей бредя прочь, – тут не может быть возражений; но обладает ли она чувственным содержанием? Боюсь, что нет. Она – как многие художники: сплошной стиль, а искренности чуть. Она не пожертвует собою ради другого. Она думает лишь о музыке; всем известно, что искусства себялюбивы. Однако же следует признать, что в голосе ее звенят прекрасные ноты. Какая жалость, что они ничего не значат и пользы от них никакой! – С подобными мыслями вошел он к себе в комнату, бросился на жалкое ложе свое и принялся размышлять о любимой; через некоторое время он уснул.

А когда луна засияла в небесах, Зарянка полетела к Розовому Кусту и грудью прижалась к шипу. Всю ночь пела Зарянка, пронзая грудь шипом, и холодная хрустальная Луна склонилась к ней послушать. Всю ночь пела Зарянка, и шип пронзал ее грудь все глубже, и кровь жизни ее убывала.

Поначалу пела она о рождении любви в сердце юноши и девушки. И, пока звенела песня, лепесток за лепестком расцветала на верхней ветке Розового Куста удивительная роза. Поначалу бледна была она, точно туман, что повис на рекою, – бледна, точно стопы утра, и серебриста, будто крылья зари. Подобна тени розы в серебряном зеркале, подобна тени розы в озере – такова была роза, что расцвела на верхней ветке Розового Куста.

Но Куст молил Зарянку теснее прижаться к шипу.

– Прижимайся теснее, маленькая Зарянка, – кричал Куст, – или же настанет День, а роза не будет сотворена.

И Зарянка теснее прижалась к шипу, еще громче зазвенела песня ее, ибо пела она о рождении страсти в душах мужчины и девы.

И нежный румянец залил розовые лепестки, точно румянец жениха, что в уста целует невесту. Но шип не достиг еще сердца Зарянки, и потому сердцевина розы оставалась бела, ибо лишь кровь сердца Зарянки могла окрасить алым сердцевину розы.

И Куст молил Зарянку теснее прижаться к шипу.

– Прижимайся теснее, маленькая Зарянка, – кричал Куст, – или же настанет День, а роза не будет сотворена.

И Зарянка теснее прижалась к шипу, и коснулся шип сердца ее, и нестерпимая боль пронзила Зарянку. Жестока, ах, как жестока была боль, и ширилась, ширилась песня Зарянки, ибо пела она о Любви в совершенстве Смерти, о Любви, коя не умирает за гробом.

И заалела чудесная роза, точно роза рассветного неба. Алою стала кромка лепестков, а сердцевина алела рубином.

Но голос Зарянки слабел, забились крылышки, и пленкой затянуло глаза. Все слабее звенела песня ее, и что-то сдавливало горло.

Разразилась Зарянка последнею музыкой. Белая Луна услышала песню, позабыла про зарю и осталась в небе. Алая роза услышала песню и задрожала блаженно, и раскрыла лепестки свои утренней прохладе. Эхо отнесло песню в лиловые пещеры меж холмов и пробудило дремлющих пастухов ото сна. Поплыла песня меж осоки в реке, и отнесла осока весть песни сей к морю.

– Гляди, гляди! – вскричал Розовый Куст. – Роза сотворена! – Но Зарянка не отвечала, ибо лежала мертвая в высокой траве, и шип пронзал ей сердце.

В полдень Студент распахнул окно и выглянул наружу.

– О, какая невероятная удача! – закричал он. – Вот она, алая роза! В жизни не видал я роз, подобных этой. Как она прекрасна – у нее наверняка имеется длинное латинское название. – Он нагнулся и сорвал розу.

Потом он надел шляпу и с розой в руке помчался к дому Профессора.

Дочь Профессора сидела в дверях, мотая синий шелк, и у ног ее лежала собачка.

– Ты сказала, что станешь танцевать со мною, если я принесу тебе алую розу! – закричал Студент. – Вот роза, алее коей нет в целом свете. Сегодня ты приколешь ее у сердца, и когда мы станем танцевать, она поведаст тебе, как сильно я тебя люблю.

Но девушка поморщилась.

– Боюсь, она не подойдет к моему платью, – отвечала она. – И кроме того, племянник Казначея прислал мне настоящих брильянтов, а всем известно, что брильянты гораздо дороже цветов.

– Клянусь честью, ты весьма неблагодарна, – разозлился Студент и бросил розу на мостовую.

Роза упала в канаву, и ее переехала телега.

– Неблагодарна! – молвила девушка. – Вот что я тебе скажу – ты ужасный грубиян. Да и вообще, кто ты такой? Всего-навсего студент. Наверняка у тебя нет даже серебряных пряжек на башмаках, какие носит Казначеев племянник. – С этими словами она встала и ушла в дом.

– Какая дурацкая это штука – Любовь! – сказал Студент, уходя прочь. – Пользы от Любви чуть, с Логикой Любовь не сравнится, ибо ничего не доказывает, вечно обещает то, чего не случится, и заставляет верить в небылицы. Вообще-то Любовь весьма непрактична, а поскольку в наше время практичность – главное, вернусь-ка я лучше к Философии и изучу Метафизику.

И он возвратился к себе в комнату, вытащил толстенную пыльную книгу и углубился в чтение.

Себялюбивый Великан

Всякий день, возвращаясь из школы, дети приходили поиграть в сад Великана.

То был огромный чудесный сад с мягкой зеленой травой. Тут и там в траве росли прекрасные цветы, подобные звездам, а еще в саду было двенадцать персиковых деревьев, что по весне извергались нежными розовыми и жемчужными цветками, а по осени рождали плоды во множестве. Птицы сидели на деревьях и пели до того сладко, что дети бросали игры, дабы послушать.

– Как хорошо нам здесь! – кричали они друг другу.

Наступил день, когда Великан возвратился. Он уезжал в гости к другу, корнуоллскому людоеду, и пробыл у него семь лет. Когда семь лет миновали, Великан высказал все, что намеревался высказать, ибо речь его была неразвита, и засобиравшись в родной замок. Прибыв домой, он увидел детей, что играли в саду.

– Что вы тут делаете? – вскричал он весьма хрипло, и дети разбежались. – Мой сад – это мой сад, – молвил Великан. – Это любому понятно, и никому не дозволено здесь играть, только мне одному. – А затем он окружил сад высокой стеною и вывесил табличку:

НАРУШИТЕЛИ
ПРЕСЛЕДУЮТСЯ
ПО ЗАКОНУ

Немалым себялюбцем был этот Великан.

Отныне бедным детям негде стало играть. Они пробовали играть на дороге, но дорога была пыльна, покрыта твердыми камнями, и детям там не понравилось. Когда заканчивались уроки, бродили дети вокруг высокой стены и разговаривали о прекрасном саде, что скрывался внутри.

– Как хорошо нам было там, – говорили они друг другу.

Затем пришла Весна, и по всей земле расцвели цветочки и запели птички. Лишь в саду Себялюбивого Великана царила Зима. Птицы не желали петь в саду, ибо не было там детей, а деревья позабыли расцвести. Однажды прекрасный цветок высунул головку из травы, но, увидев табличку, так пожалел детей, что нырнул обратно в землю и заснул. Только Метель да Мороз были довольны.

– Весна позабыла свой сад, – кричали они, – и мы станем жить здесь круглый год! – Метель покрыла траву громадным белым плащом, а Мороз серебром выкрасил всякое дерево. Затем они пригласили погостить Северный Ветер, и тот явился. Закутан он был в меха и ревел в саду днями напролет, сдувая колпаки с дымоходов.

– Замечательное место, – говорил он, – надо бы пригласить в гости Град. – И явился Град. Всякий день по три часа барабанил он по крыше замка, пока не разбил почти всю черепицу, а потом опрометью носился кругами по саду. Облачен он был в серое, и его дыхание подобно было льду.

– Не понимаю, отчего так запаздывает Весна, – говорил Себялюбивый Великан, сидя у окна и глядя на свой замороженный белый сад. – Надеюсь, погода переменится.

Но Весна так и не пришла, не пришло и Лето. Осень одарила все сады плодами, но саду Великана не дала ничего.

– Слишком он себялюбив, – сказала она. И в саду пребывала вечная Зима, и Северный Ветер, и Град, и Мороз, и Метель танцевали меж деревьев.

Однажды утром Великан лежал без сна в постели и услышал чудесную музыку. Так сладка она была его слуху, что решил Великан, будто мимо идут королевские музыканты. Всего лишь крошечная коноплянка пела за окном, но Великан так давно не слышал птичьего

пения в саду, что коноплянкина песня показалась ему прекраснейшей музыкой на свете. И тогда Град бросил кувиркаться, и Северный Ветер перестал реветь, и восхитительные ароматы донесли до Великана из раскрытого окна.

– Должно быть, Весна все-таки пришла, – сказал Великан; он выскочил из постели и выглянул наружу.

И что же узрел он?

Узрел он удивительнейшую картину. Дети пробрались в сад сквозь щелочку в стене и сидели на древесных ветвях. Куда ни обращал взор Великан, на каждом дереве сидело дитя. И деревья так радовались возвращению детей, что облачили себя в цветы и нежно размахивали ветками над детскими головами. Птицы летали и весело чирикали, а цветы выглядывали из зеленой травы и смеялись. Чудесная картина; лишь в одном углу обитала еще зима. То был самый дальний угол сада, и стоял там маленький мальчик. Мальчик был так мал, что не дотягивался до веток дерева, и оттого бродил вокруг ствола, горько плача. Бедное дерево покрыто было изморозью и снегом, и Северный Ветер гудел и ревел в кроне.

– Забирайся, мальчик! – говорило Дерево и склоняло ветви как можно ниже; однако мальчик был слишком мал.

И сердце Великана растаяло, едва он все это узрел.

– Каким себялюбцем я был! – молвил он. – Теперь я знаю, отчего не приходила Весна. Я посажу мальчика на верхушку дерева, а потом я сломаю стену, и сад мой на веки вечные станет пристанищем детских игр. – Он взаправду жалел о том, что натворил.

Итак, он сошел вниз по лестнице, тихо-тихо отворил парадную дверь и вышел в сад. Но едва дети увидали Великана, они так испугались, что побежали прочь, и сад вновь обратился в зиму. Не побежал только маленький мальчик, ибо глаза его были до того заплаканы, что он не заметил Великана. И Великан подкрался к нему сзади, осторожно взял и посадил на дерево. И тут же дерево расцвело, прилетели птицы и запели на ветвях, и маленький мальчик простер руки, обхватил Великана за шею и поцеловал. Другие дети, увидев, что Великан больше не злой, прибежали назад, а вместе с ними пришла Весна.

– Отныне это ваш сад, дети, – сказал Великан; он взял большой топор и сломал стену.

А когда люди в полдень пошли на базар, обнаружили они, что Великан играет с детьми в прекрасном саду, какого никто прежде никогда не видал.

Весь день играли дети, а вечером пришли к Великокану попрощаться.

– Но где же ваш маленький друг? – спросил он. – Тот мальчик, которого я посадил на дерево. – Великан полюбил его больше всех, потому что мальчик его поцеловал.

– Мы не знаем, – отвечали дети, – он куда-то ушел.

– Вы уж скажите ему, пускай завтра непременно придет, – сказал Великан. Но дети отвечали, что не знают, где тот мальчик живет, и никогда прежде его не видели; и тогда Великан весьма опечалился.

Всякий день после уроков дети приходили и играли с Великоканом. Но маленький мальчик, которого полюбил Великан, больше не показывался. Великан был очень добр ко всем детям, но тосковал о первом своем маленьком друге и часто о нем говорил.

– Как бы я хотел вновь увидеть его! – восклицал он.

Прошли годы, Великан состарился и одряхлел. Он больше не мог играть, а потому сидел в огромном кресле и смотрел, как играют дети, и любовался своим садом.

– Много прекрасных цветов у меня в саду, – говорил он, – но дети – прекраснейшие цветы из всех.

Как-то зимним утром, одеваясь, Великан выглянул в окно. Зима больше не расстраивала его, ибо Великан знал, что Весна просто уснула, а цветы отдыхают.

Внезапно он в изумлении протер глаза и вгляделся пристальнее. Весьма поразительная картина предстала его взору. В дальнем углу сада стояло дерево, сплошь покрытое чудес-

ными белыми цветами. Ветви дерева были из золота, и серебряные плоды висели на них, а под деревом стоял маленький мальчик, которого любил Великан.

Вниз по лестнице помчался Великан и выбежал в сад, обуянный радостью. Он бежал по траве, он спешил к мальчику. Но когда Великан приблизился, лицо его покраснело от гнева, и молвил он:

– Кто посмел обидеть тебя? – Ибо на ладонях ребенка зияли отпечатки двух гвоздей, и отпечатки двух гвоздей виднелись на крошечных ступнях. – Кто посмел обидеть тебя? – вскричал Великан. – Скажи мне, я возьму огромный свой меч и уничтожу обидчика.

– Нет, – молвило дитя, – ибо сие есть раны Любви.

– Кто ты? – спросил Великан, и чудный трепет объял его, и рухнул Великан на колени пред ребенком.

И улыбнулось дитя Великану, и сказало:

– Однажды ты пустил меня поиграть в твоём саду, сегодня же отправишься в мой сад, что зовется Раем.

И когда дети прибежали после уроков, нашли они Великана – тот лежал мертвый под деревом, сплошь покрытым белыми цветами.

Верный друг

Однажды утром старый Нутрий высунул голову из норы. Глаза у Нутрия блестели, подобно бусинам, и торчали жесткие серые усы, а хвост его походил на длинный обрывок черного каучука. В пруду плавали Утята, один в один похожие на стайку желтых канареек, а их мама, ослепительно-белая и с красными лапами, обучала их стоять в воде на голове.

– Вас никогда не допустят в высшее общество, если вы не научитесь стоять на голове, – твердила она; время от времени она показывала им, как это полагается делать. Но утята не обращали на нее внимания. Они были очень юны и не знали, что вообще хорошего в этом самом обществе.

– Вот непокорные дети! – вскричал Нутрий. – Они поистине заслуживают утопления.

– Ничего подобного, – отвечала Утка. – Всяк должен с чего-то начинать, а родителям подобает являть безмерное терпение.

– Ах! В родительских чувствах я не смыслю ни грана, – сказал Нутрий. – Сам-то я человек не семейный. Говоря по чести, я никогда не был женат и никогда не собирался. Любовь – это, конечно, по-своему распрекрасно, однако дружба несравненно выше. Воистину, я полагаю, ничто в мире не сравнится в благородстве и исключительности с верною дружбой.

– Ответь, умоляю: каков же, по-твоему, долг верного друга? – осведомился зеленый Вьюрок, что сидел неподалеку на иве и подслушал их разговор.

– Да, я как раз хотела спросить, – сказала Утка; затем она отплыла к берегу пруда и встала на голову, дабы подать своим детям хороший пример.

– Что за глупый вопрос! – вскричал Нутрий. – Я, разумеется, ожидаю от верного друга, что он будет мне верен.

– А чем ты одаришь его взамен? – спросил Вьюрок, качаясь на серебристой ветке и трепеща крылышками.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь, – отвечал Нутрий.

– Позволь, я тебе расскажу об этом историю, – сказал Вьюрок.

– А история будет про меня? – спросил Нутрий. – Если да, я послушаю – обожаю сказки.

– Она тебе подходит, – ответил Вьюрок; он слетел с ветки и, устроившись на берегу, поведал историю Верного Друга. – Жил-был, – сказал Вьюрок, – честный паренек по имени Ганс.

– И был он весьма замечателен? – спросил Нутрий.

– Нет, – отвечал Вьюрок, – вряд ли он был сколько-нибудь замечателен – разве что добрым своим сердцем и забавным, круглым, добродушным личиком. Жил он в крошечном домике один-одинешенек и изо дня в день трудился в саду. По всей округе не было сада чудеснее, чем сад Ганса. Турецкая гвоздика и гвоздика благородная росли в том саду, и желтофиоли, и пастушья сумка, и лютики. Цвели в том саду розы желтые и дамасские, сиреневые крокусы и золотые, лиловые фиалки и белые. Шли месяцы; василистник и сердечник, душица и чабер, ирисы, примулы и нарциссы цвели или расцветали своим чередом, цветы сменяли друг друга, и в саду всегда царила красота, коя радовала взор, и витало благоухание.

У маленького Ганса было множество друзей, но самым верным другом его был Мельник Гуго. Воистину, столь верен был маленькому Гансу богач Мельник, что всякий раз, минуя сад, непременно склонялся через забор, срывал большой букет или горсть сладких трав, или же набивал карманы сливами и вишнями, если время года было подходящее.

«У настоящих друзей все должно быть общее», – говаривал Мельник, а маленький Ганс кивал и улыбался; он очень гордился тем, что у него есть друг, у коего в голове бродят столь благородные идеи.

Честно говоря, порою соседи замечали, как это странно, что богач Мельник никогда ничего не дарит Гансу взамен, хотя на мельнице у Мельника припрятана сотня мешков муки, да еще имеются шесть дойных коров и большое стадо шерстяных овец; впрочем, Ганс ничем подобным голову себе не забивал, и не было у него большей радости, нежели слушать удивительные речи Мельника относительно бескорыстия подлинной дружбы.

Итак, маленький Ганс трудился в своем саду. Весной, летом и осенью он бывал очень счастлив, но когда приходила зима, а у Ганса не было ни фруктов, ни цветов, чтоб отвезти на базар, страдал он немало от холода и голода, и часто приходилось ему отправляться в постель без ужина, пожевав разве что сушеных груш или окаменелых орехов. И еще ему было очень-очень одиноко, ибо зимою Мельник никогда его не навещал.

«Без толку мне навещать маленького Ганса, пока не сошел снег, – говорил Мельник жене. – Когда у человека неприятности, надо оставить его в покое и не тревожить визитами. Во всяком случае, так я себе представляю дружбу и не сомневаюсь, что прав. В общем, подожду-ка я до весны и тогда уж загляну к нему в гости – он подарит мне большую корзину примул и будет плясать от радости».

«Ты поистине очень заботлив, – отвечала Жена, сидя в удобном кресле у большого камина, где полыхали сосновые поленья. – В самом деле весьма заботлив. Какое наслаждение – слушать, как ты рассуждаешь о дружбе. Я уверена, сам священник не выразился бы столь прекрасно, хотя он-то живет в трехэтажном доме и носит на мизинце золотое кольцо».

«А мы разве не можем пригласить маленького Ганса к нам? – спросил младший сын Мельника. – Если у бедняжки Ганса неприятности, я отдам ему половину своей овсянки и покажу белых крольчат».

«И в кого ты такой пустоголовый уродился! – закричал Мельник. – Честное слово, уж и не знаю, что толку посылать тебя в школу. Я вижу, ты ничему не учишься. Да если маленький Ганс придет и увидит, какой уютный у нас камин, какой вкусный ужин, какой огромный бочонок с вином, он может позавидовать, а страшнее зависти ничего нет, она развращает всякую душу. Я определенно не допущу, чтоб Гансова душа развратилась. Я его лучший друг, я всегда буду за ним присматривать и следить, дабы не поманил его какой соблазн. Кроме того, если Ганс придет к нам, он может попросить муки взаймы, а я ничего такого не позволю. Мука – одно дело, дружба – другое, и путать их не следует. Эти два слова по-разному пишутся, да и смысл у них различен. Это ясно как Божий день».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.